

ДИБРОВ: нахальный, умный, простодушный

*Новая газета
-1998-
-470 м.а.в*

На фоне всеобщего омертвления и СМИ, и нашей частной, отдельной жизни, в которой уже ничего такого вроде славного единения начала девяностых не произойдет, Дима Дибров выглядит странным живительным источником, провоцирующим своих собеседников если и не на откровения, то уж на саморазоблачение точно.

Взять хотя бы недавний пример, когда Дибров пригласил в студию своего коллегу Сергея Шолохова, в прошлом — очаровательного мальчика со «стодолларовой» улыбкой, сделавшего карьеру во многом благодаря и этой улыбке, и жесткому, беспощадному прагматизму, что таился под маской миляги и души, чьи столичные стати все эти годы украшали донельзя провинциальное питерское телевидение.

Какие, однако, странные получились посиделки! Ощущение было такое, будто бы юная телезвезда (Дибров) беседует со звездой усталой, пресыщенной, от всего вкусившей и поэтому вкус ко всему потерявшей (соответственно Шолохов). А ведь Дибров и Шолохов почти ровесники. Шолохов, немного поиграв в демократические игры, быстро освоил фестивально-тусовочную нишу, обзвывая все престижные кинотеатры, Дибров же всегда занимал стороннюю пози-

цию независимого наблюдателя идиотизма нашей жизни.

Их встреча на пятачке «Старого телевизора» на исходе наших заблуждений и разочарований оказалась в каком-то смысле символической. Прибегнув к некорректному сравнению, можно сказать, что она напоминала встречу отсидевшего друга со своим дружком с воли. «Вольный» Дибров, умный Швейк постсоветского телеэкрана, бывалый и радостный, с трудом переносил нудные пассажи Шолохова, когда то добровольно заточившего себя в застенки международного истеблишмента с его ненатуральной атмосферой. Шолохов решил предстать в роли усталого интеллектуала, распускающего о «вербальности» западной культуры. Куда делась былая прыть, очаровательный цинизм, непримиримость и резкость суждений, жадность до жизни, умение мгновенно и остроумно реагировать? Такова, наверно, цена успеха, и Шолохов, нищезанец и прагматик, заплатил свою. В одном он чрезвычайно наивен — создавая свой имидж в соответствии с западным эталоном (как он его понимает), он упускает отечественную аудиторию, которой дорога пусть порой и сыгранная, но человечность. Познеровская теплота, участливая проникновенность.

Трудно, конечно, сказать, в какие игры играет Дибров: имитирует ли он свою лихость (а по ночам, разумеется, рыда-

ет в подушку), адекватен ли он самому себе, игрок ли он в жизни etc. Во всяком случае, в наше время, когда ничего не понятно, устои расшатались, а любимые телеведущие постыдно скурвились, Дима — ничего себе. Держит удар. От его так называемого нахальства хотя бы веет живой жизнью, и невоспитанность ужасного дитяти выглядит органичной на фоне фальшивой патетики, высокомерной отстраненности или, того хуже, откровенного идиотизма. Реагируя на упреки в необразованности, он не злит, не оскорбляет в ответ, а сохраняет все ту же (хочется верить — искреннюю) добродушную мину простака, по чистой случайности попавшего в храм под названием «Телевидение». На фоне его радостного простодушия в особенности неуместными выглядят «обмолвки» Шолохова о его пребывании в Гарварде: так «городские» персонажи Шукшина похвалялись прелестями какого-нибудь областного центра перед своими деревенскими родственниками. К слову сказать, Дибров с блеском сыграл роль неуклюжей деревенщины, взирающей на удачливого собрата с деланным благоговением, что в самый неподходящий момент «срезать» его неожиданным вопросом...